

О делах молодого Хэ Цзинлиня Цзян Фэн ничего не знал. Ведь продюсеры работают за кулисами, и их трудно сравнить с яркими звёздами на сцене. К тому же Хэ Цзинлинь вспыхнул как мимолётная искра, к тому же был крайне скромным человеком, и Цзян Фэн раньше никогда не слышал этого имени.

Однако Ли Чэньюэ, услышав это, чуть не поперхнулся водой и, схватив его за ухо, с жаром начал растолковывать, как велик бизнес семьи Хэ, как порядочен и прост в общении Хэ Цзинлинь, и как популярны были его альбомы в своё время. Говоря это, он буквально светился восторгом. Цзян Фэн с натянутой улыбкой слушал этот «ликбез», думая про себя, что редко увидишь, чтобы Ли Чэньюэ так кого-то боготворил.

Оформив документы, они направились к парковке. По дороге Ли Чэньюэ говорил до тех пор, пока у него не пересохло в горле, и, сев в машину, залпом выпил почти полбутылки воды. Цзян Фэн с улыбкой сказал, что всё запомнил, но после паузы добавил:

— Просто мне кажется, что он похож на моего старого друга...

— Старого? Как давно это было? — спросил между делом Ли Чэньюэ, выезжая с парковки.

Цзян Фэн задумался, даже опустил голову и начал считать на пальцах.

— Должно быть... лет десять назад?

— Пфф. — Ли Чэньюэ, который как раз парковался, фыркнул. — Эй, дружище, если я не ошибаюсь, тебе сейчас 18, значит, десять лет назад тебе было 8. Твой друг, вероятно, был примерно твоего возраста. Ты сравниваешь семилетнего ребёнка с 32-летним мужчиной? Ну, скажу так... у тебя отличное воображение.

Цзян Фэн тоже засмеялся и, повернувшись к окну, больше ничего не сказал.

Ли Чэньюэ всегда водил быстро и плавно, что делало поездку очень комфортной. Вскоре они добрались до дома Цзян Фэна. Заботливый менеджер ещё раз напомнил, какие лекарства принимать до еды, а какие после, после чего поспешил на работу. Цзян Фэн, проводив его, наконец получил возможность изучить обстановку, в которой жил этот человек, и заодно узнать его привычки и характер.

Цзян Фэн жил в небольшой однокомнатной квартире. По словам Ли Чэньюэ, в этом жилом комплексе было несколько высоток, которые компания предоставляла молодым артистам, только начинающим свою карьеру. Спальня была просторной, а гостиная — не очень большой, но интерьер был довольно стильным. Квартира была слегка захлавлена, но в целом в пределах допустимого.

На стене гостиной на самом видном месте висел большой плакат. Он был выдержан в тёмных тонах. В центре был изображён шестнадцатилетний юноша в длинном чёрном плаще в стиле западного демона. Его глаза были полужакрыты, взгляд опущен, и он излучал презрение ко всему. Внизу крупными буквами с металлическим отливом было написано: «Eclipse», а ниже — более мелким почерком — «Цзян Фэн», а в правом нижнем углу золотым маркером красовался размашистый автограф.

Это, должно быть, был плакат альбома, который принёс Цзян Фэну небольшую популярность в начале карьеры. Цзян Фэн долго смотрел на юношу в центре плаката, чувствуя, что эта напуксная дерзость выглядит искусственно, и покачал головой.

В углу гостиной на подставке стояла скрипка, рядом с ней — раскрытый пюпитр. На небольшой книжной полке рядом были навалены разнообразные ноты, среди них было много рукописей. Цзян Фэн вспомнил, что этот «тело» был студентом консерватории, вероятно, начинал со скрипки, а затем переключился на композицию или теорию музыки.

Он неплохо разбирался в скрипках, и, лишь слегка тронув струны, понял, что этот инструмент был не просто студенческим, но даже среди скрипок молодых исполнителей считался очень дорогим. Звук был чистым, резонанс — глубоким, неся в себе мягкую красоту, накопленную за долгие годы.

Хотя Ли Чэньюэ никогда не упоминал о семье Цзян Фэна, но, судя по тому, что в таком юном возрасте он один пробивал себе дорогу в шоу-бизнесе, а затем спился и начал употреблять наркотики, можно было предположить, что у него не было близких, кто мог бы научить его жизни и заботиться о нём. Вероятно, он купил эту скрипку на деньги, заработанные после дебюта, и бережно хранил её всё это время.

Цзян Фэн был настолько взволнован, что его руки дрожали, когда он взял скрипку и смычок. Из-за долгого перерыва в игре он даже немного боялся начать играть. Он долго готовился, собираясь сыграть что-нибудь попроще, но в этот момент раздался звонок в дверь.

— Здравствуйте, вы мистер Цзян Фэн? Меня зовут Ван Янь, я частная сиделка, которую нанял босс Хэ, чтобы ухаживать за вами, пока вы не поправитесь после болезни желудка.

У двери стояла незнакомая женщина лет двадцати пяти, держа в руках продукты: овощи, фрукты, мясо, яйца и молоко. Увидев Цзян Фэна, она улыбнулась.

Он стоял как вкопанный полминуты, прежде чем спросить:

— Простите, а какой именно мистер Хэ вас нанял?

— Хэ Цзинлинь из «Хуасинь», он крупный акционер нашего санатория. Разве вы не его друг?

Цзян Фэн наконец понял и поспешил сказать:

— Передайте мистеру Хэ, что я действительно не настолько болен, чтобы нуждаться в сиделке, и спасибо за его заботу.

— Нет, я не могу просто уйти. Если я вернусь без дела, мистер Хэ меня уволит.

Девушка, говоря это, слегка подтолкнула Цзян Фэна и прошла в дом.

— Не усложняйте мне задачу. Мистер Хэ сказал, чтобы вы отдохали, он сам вечером зайдёт проведать вас.

Цзян Фэн, наблюдая, как она с лёгкостью нашла кухню, уверенно включила газ и воду и начала варить кашу и тушить овощи, молча вздохнул и закрыл дверь.

Почему после перерождения все люди, с которыми он сталкивается, мыслят в совершенно другом русле...

Ван Янь была профессиональной сиделкой, и, поскольку её нанял сам босс, она относилась к своим обязанностям крайне ответственно. Весь день Цзян Фэн был вынужден лежать в постели: всё, кроме приёма лекарств, воды и еды по расписанию, было строгойше запрещено.

Единственным плюсом было то, что Ван Янь отлично готовила, и еда была обильной, но, к сожалению, блюда для восстановления желудка были довольно пресными на вкус.

Так прошёл день, и к вечеру, когда Цзян Фэн уже чувствовал, что вот-вот сойдёт с ума от тоски, наконец снова раздался звонок в дверь.

Ван Янь быстро побежала открывать, и Цзян Фэн тоже вышел. На пороге стоял виновник его вынужденного дневного лежания — тот самый босс Хэ.

Хэ Цзинлинь был одет в безупречно отглаженный двубортный костюм, все пуговицы были застёгнуты, галстук завязан идеально ровно. Он излучал ауру безупречной строгости и вежливо кивнул Цзян Фэну.

Обычно, когда навещают больного, приносят с собой что-то в подарок. Ван Янь пришла с продуктами (хотя это были скорее предметы первой необходимости, а не подарки для больного), но мистер Хэ не принёс с собой ничего, кроме прозрачной папки с твёрдой обложкой. По его мнению, отправка Ван Янь уже была достаточным жестом.

Если бы дверь открывал он сам, он бы сначала выяснил цель визита, прежде чем впускать кого-либо. Ведь он ещё не до конца разобрался в своей нынешней ситуации. К тому же, слепое обожание и защита Хэ Цзинлиня со стороны Ли Чэнъюэ вызывали у него лёгкий дискомфорт — завоевать доверие можно не только искренностью, но и мастерством, и, если использовать его правильно, эффект может быть в разы сильнее.

Он всегда не любил интриги, но это не значит, что он не умел в них разбираться. Человек, способный управлять чужими мыслями, в какой-то степени всегда опасен, независимо от того, имеет ли он злые намерения.

Но прежде чем он успел что-то сказать, Ван Янь уже усадила босса в гостиную и начала суетиться, предлагая чай. Он молча вздохнул и, стоя в дверном проёме между спальней и гостиной, наблюдал за ними.

Ван Янь уже закончила рабочую смену, и, увидев, что босс пришёл, быстро собралась и ушла. На прощание она тепло попрощалась с Цзян Фэном, сказав, что завтра ещё зайдёт, от чего его вежливая улыбка слегка застыла.

Проводив Ван Янь, Хэ Цзинлинь снова встал с дивана и с уместной улыбкой подошёл к Цзян Фэну, протянув руку.

— Здравствуйте. Ван Янь, должно быть, уже сказала вам, кто я. Я Хэ Цзинлинь.

<http://bllate.org/book/16452/1492377>